

о различных категориях археологически важных надписей (аналогичная очерку Бруннера для древневосточной письменности — стр. 316—320).

Наконец, третий заключительный раздел второй части книги (стр. 395—496) составляет обзор греческих и латинских литературных памятников, трактующих об археологии и античном искусстве; он написан Э. Перинсом и переработан для настоящего издания В. Х. Гроссом. После небольшого вступления, где автор приводит термин «археология» в понимании античных авторов, он переходит к разбору перипетов и перипез, где на первом месте стоит, конечно, «Описание Эллады» Павсания. В этой краткой главе автор обстоятельно рассматривает литературную форму и тенденцию перипезы Павсания, ее источники и стиль, и заканчивает кратким очерком о пребывании Павсания в Олимпии как небольшой иллюстрацией огромной значимости его труда. В обширной главе В Перинс разбирает античную специальную литературу, причем обзор ведется в трех направлениях. В первом — рассматриваются авторы, писавшие об архитектуре и технике. Здесь фигурируют следующие имена: Витрувий, Херсифрон и Метаген, Феодор Самосский, Гермоген, Иктин, Питей, Филон из Афин, Филон Византийский, Герон, Аполлодор Дамасский и ряд мелких писателей. Во второй разряд входят авторы, писавшие о живописи: Агатарх, Анаксагор, Демокрит, Памфил, Протоген, Эвфранор, Артемон и др. В третий — авторы, оставившие сочинения о пластике и торевтике: Поллис, Поликлет, Менехм, Адэй и др.

В главе С дан обзор основных античных описаний произведений искусства, в том числе риторических эфраз. Автор начинает его с гомеровского описания цита Ахилла и доводит до византийских писателей: Сидония Аполлинария, Прокопия и Иоанна из Газы, Никиты Хониата, Иоанна Цеца и других. В главе D даются некоторые замечания об «археологии» в античной литературе. Здесь опять же изложение ведется от Гомера, через трагиков и иных авторов классической эпохи и доходит вплоть до позднеримских и византийских писателей. Глава E трактует об эпиграммах, панирусах и надписях как источниках по изучению археологических памятников. Надо заметить, что в какой-то своей части (надписи) эта глава дублирует очерк Рема (стр. 390—393), и было бы целесообразнее их объединить. Заключает изложение, как и весь *Handbuch*, глава F о искусствоведении в древности, где рассматриваются источники и собственно изучение памятников искусства в античности по эпохам. В общем, надо сказать, что Перинс понимает археологию гораздо шире, чем Бушор (ср. стр. 3—10) —

не как только науку о произведениях греко-римского искусства, а как дисциплину, изучающую все стороны материальной деятельности прошедших эпох. Этот содержательный очерк не потерял своего значения до настоящего времени и вполне может служить ценным пособием для изучения античных авторов в рассмотренном аспекте.

Handbuch снабжен значительным количеством таблиц и рисунков в тексте, которые иллюстрируют основные наиболее важные и характерные памятники древней письменности, а также индексом и списком сокращений. К двум последним можно предъявить ряд претензий. Так, в первом — часто отсутствуют имена и географические названия, фигурирующие в примечаниях и даже в основном тексте, но не выделенные крупным шрифтом, таких случаев можно было бы привести много. Этот недостаток, несомненно, не непреодолим; в качестве примера приведу образцово изданные в родственной серии «*Handbuch der Altertumswissenschaft*» монументальные работы по мифологии О. Гринне (1906 г.) и М. Нильсона (2 изд., 1955—1961 гг.), где все собственные имена даны в регистре (в книге Гринне даже со ссылкой на соответствующий номер примечания данной страницы). В списке же сокращений отсутствуют многие такие, расшифровку которых трудно или порой невозможно найти в тексте, напр. GGA (= *Göttingische gelehrte Anzeiger*), R. Civ., WYDOG и др. Могут возразить, что их не следует вносить в список, т. к. они хорошо знакомы зарубежному специалисту, но тогда зачем помещать там такие аббревиатуры, как *Historia*, *Kadmos*, *Saeculum*, которые собственно и сокращениями-то не являются, тем более, что они гораздо лучше знакомы антиковедам. Это мелочи, но тем более досадные, что они затрудняют пользование справочником.

Основной недостаток «Руководства» состоит, на мой взгляд, в том, что в нем сохранен ряд лишь слегка переработанных очерков издания 1939 г., идеи которых при всей их значимости не могут сейчас при настоящем состоянии науки приниматься безоговорочно. Ссылки на современную литературу и новые гипотезы, которыми снабдили соответствующие разделы их редакторы, вступают в противоречие с основным содержанием последних, однако, как правило, не находят себе места. Мне кажется, что это прекрасно сознавал и сам издатель Ульрих Хаусманн, это видно хотя бы из его замечаний к главе о форме в искусстве (стр. 201 сл.). Преодоление этих основных противоречий в вероятном новом переиздании справочника было бы весьма желательным и лишь усовершенствовало бы эту несомненно полезную книгу.

В заключение необходимо сказать, что несмотря на все сделанные замечания, возобновление издания этой фундаментальной энциклопедии следует признать значительным событием в истории клас-

сической науки, и надо думать, что она в том объеме, в котором ее намечается издать, сослужит добрую службу не одному поколению антиковедов.

Ю. Г. Виноградов

DONALD R. DUDLEY, *The World of Tacitus*, London, 1968, 271 стр.

Книга Дональда Р. Дадли «Мир Тацита» — еще одна научно-популярная работа о великом римском историке и писателе. Под «миром» Тацита автор понимает совокупность тех областей римской действительности, которые привлекли особенное внимание древнего историка и наиболее полно отразились в его сочинениях. Соответственно, образующие книгу десять глав как бы распадаются на две группы. В первой (гл. 1—4 и примыкающее к ним «Предисловие») дается представление об обстоятельствах, обусловивших данное, а не иное направление Тацитова исторического видения — о его жизни, мировоззрении и общем характере сочинений; во второй (гл. 5—10) последовательно описываются сами эти области римской действительности, какими их видел Тацит, — императоры и их окружение (стр. 76—115), сенат (стр. 116—131), армия (стр. 132—157), Рим и его население (стр. 158—173), провинции (стр. 174—199), отношения Рима с соседями (стр. 200—233). За основными главами следуют: «Заключение», где сообщаются некоторые сведения о месте Тацита в европейской культуре нового времени, примечания, библиографическая справка и указатель.

В главах первой части биография Тацита и общая характеристика его творчества излагаются достаточно традиционно; здесь преобладают суждения, неоднократно формулировавшиеся в науке — в большинстве своем справедливые, иногда вызывающие возражения. Общественно-политическая позиция Тацита справедливо характеризуется как включающая в себя известное противоречие: понимание исторической правомерности принципата сочетается в ней с моральным протестом против его террористических эксцессов (стр. 23—26). Кратко и ясно изложен вопрос об источниках Тацита (стр. 28—31). К числу удачных мест следует отнести также разбор характеристики Гибберия в «Анналах», обнаруживающий связь этого образа у Тацита с мифологическими образами тиранов в литературной традиции (стр. 78—83).

В числе спорных мест первой части книги можно назвать тезис о создании Тацитом «Анналов» в эпоху Адриана и определение первоначального числа книг, составлявших «Историю».

Вслед за Р. Саймом Д. Р. Дадли без аргументации принимает позднюю дату смерти Тацита и даже указывает ее совершенно точно — 125 год (стр. 17, ср. стр. 76). Как объяснить при этом сохранение во второй книге «Анналов» (гл. 61) описания восточной границы Империи, изменившейся в 117 г., остается неясным; не теряют силы и другие соображения против поздней даты, уже высказывавшиеся на страницах этого журнала¹. Первоначальное число книг в «Истории» без колебаний признается равным 12 (стр. 18). В пользу этой гипотезы не говорит ничто, кроме соблазнительной логической стройности: если общее число книг в исторических сочинениях Тацита составляло, как известно, 30², то предположение о 12 книгах «Истории» позволяет объединить орега майора единым гексадным построением — «История» 6 + 6, «Анналы» 6 + 6 + 6. Теперь, однако, можно считать доказанным, что «Анналы» не были дописаны автором³, и Иерониму поэтому были известны те самые 16 книг этого произведения, которыми располагаем и мы; таким образом, число книг «Истории», скорее всего, всегда равнялось 14.

Главы, образующие вторую часть книги, строятся в большинстве по единому плану: сначала автор кратко и в своей — довольно свободной — интерпретации характеризует общий взгляд Тацита на данную область действительности, затем следует изложение — редко в цитатах, обычно в пересказах — тех мест из сочинений древнего историка, которые призваны раскрыть и подтвердить исходный тезис. Так, в главе об армии мысль состоит в том, что на протяжении I и II вв. легионы и преторий тяготеют все возрастающую роль в политической жизни Империи, что задача Тацита состояла в показе начальной стадии этого процесса и в изображении

¹ ВДИ, 1970, № 2, стр. 216.

² Hieronymus, Comm. ad Zach. III, 14 = Migne, P. L., XXV, стр. 1552: Cornelius Tacitus qui post Augustum usque ad mortem Domitiani vitas Caesarum triginta voluminibus exaravit.

³ Koestermann, «Gnomon», XI (1935), стр. 322; ср. R. Syme, Tacitus, II, Oxf., 1958, гл. 37 и прил. 35, 60.

растущего мятежного своеволия солдат (стр. 132—133). В подтверждение рассказывается сначала о британской кампании Агриколы (стр. 133—135) — хотя она, казалось бы, меньше всего подтверждает этот тезис, — затем о мятеже паннонских и германских легионов в 14 г. (стр. 135—147). Снова, в несколько измененном и усиленном виде, формулируется мысль о «чудовищном разрыве между армией и государством» (стр. 150) и о превращении первой в разнузданную толпу наемников, в доказательство чего излагаются содержащиеся в «Истории» эпизоды гражданской войны 69 г. (стр. 150—156). В большинстве других глав исходный тезис столь же общезвестен и самоочевиден.

Переходя от характеристики построения книги и указаний на частности к общей оценке, надо сказать, что в литературе о Таците работа Д. Р. Дадли стоит особняком. Литература эта в целом хорошо подтверждает высказываемый иногда взгляд, согласно которому стиль исследования отражает характер исследуемого явления, а особенности книги связаны с особенностями предмета. Среди сотен работ, посвященных римскому историку, есть хорошие и плохие, есть самые разные, но почти всем им присущ явственно ощущаемый, хотя и трудно определимый, тон. Во всех, как правило, есть нечто от отличавшей Тацита *серьезность*, некоторая субъективная серьезность, сильное стремление к точности, темперамент истины — такой, по крайней мере, какой ее видел автор. Рецензируемая работа — одно из редких исключений. Это очень плохая книга и прежде всего потому, что она по-особенному, принципиально, поверхностна. В характере и причинах этого поучительно разобраться.

Начнем с одной внешней черты, которая первой обращает на себя внимание, — в книге совершенно необычное для английского научного издания количество опечаток. «Политический вакуум 87 г.» вместо «70 г.» (стр. 59), «*Dialogus de Oratore*» вместо «*de oratoribus*» (стр. 71), Р. Fabia вместо Ph. Fabia (стр. 266) и много подобных же на стр. 35, 50, 237, 256 и др. Своеобразной заставкой к такого рода недоразумениям является карта, помещенная на суперобложке, — она отражает размещение итальянских племен и поселений, описанное в «Энеиде» или в первой книге Тита Ливия; к миру Тацита она никакого отношения не имеет.

По мере чтения становится очевидным, что ошибки и небрежности присутствуют не только в наборе. Тертуллиан назван «крупным латинским писателем IV века» (стр. 34), «Анналы» Тацита рассматриваются как один из источников Апокалипсиса (стр. 85), «очаровательный и цветущий город Воконтий, современный Вазон» (стр. 107) не существовал вообще — современный Вазон назывался в римское

время Вазоном, и последний находился на территории племен и воконтиев. Плотность ошибок на единицу текста подчас весьма значительна — на стр. 191 в семи строках их содержится четыре: Луций Вителлий, наместник Сирии при Тиберии и отец императора Вителлия, перепутан с братом последнего (тоже Луцием); характеристика его наместничества заимствована из Тас., Ann. VI, 32, а не из VI, 28, как значится в сноске; упоминаемый тут же Гай Кассий Лонгин был наместником Сирии в течение шести лет (45—51), а не четырнадцати (даты, приводимые в книге, — 45—59), и славился как крупнейший правовед уже в это время (ea tempestate — прямо говорится у Тацита: Ann. XII, 12), а отнюдь не «*later*». Отпечаток случайности и небрежности лежит и на библиографическом аппарате. Он не был обязателен в популярной работе, но коль скоро автор его вводит и считает необходимым подкреплять свои суждения ссылками порой и на весьма специальные сочинения, аппарат этот должен удовлетворять требованиям и определенной полноты, и современности, и логичности построения. Непонятно, почему из всего моря книг и статей, которые вызвал начиная с середины XIX в. вопрос об отношении Тацита к Тиберию, Д. Р. Дадли выбрал для библиографической ссылки две хороших, но в этом контексте достаточно случайных работы (стр. 83, прим. 21 ср. прим. 9 к стр. 78). В связи с известным местом Тас., Ann. XV, 44, где говорится о роли христиан в пожаре Рима в 64 г., автор (стр. 165—166) ссылается на литературу по нескольким частным вопросам, но не приводит ни одной из многочисленных работ, прямо связанных с оценкой христиан Тацитом⁴. Из исследований, посвященных месту Тацита в европейской культуре, Д. Р. Дадли называет только известную книгу Штакельберга⁵. Если задача состояла в указании наиболее существенных работ, то нельзя было опускать важнейшее исследование G. Toffanin, *Machiavelli e il 'Tacitismo'* Padova (1921), если учитывались библиографические источники — диссертацию M. F. Tenney, *Tacitus in the Middle Ages and in England to about 1650* Cornell univ. (1931), если надо было охватить более новую литературу — книгу E. L. Etter, *Tacitus in der Geistesgeschichte des 16. und 17. Jahrhunderts* (Basel — Stuttg. 1966). По теме «Тацит и восстание Виндексса» в Анг-

⁴ Перечислены в ст. H. Fuchs, *Tacitus über die Christen*, «*Vigiliae Christianae*», IV (1950), стр. 65—93; дополнения к содержащимся здесь указаниям см. «*Mus. Helv.*», XX (1963), стр. 221 слл.

⁵ J. v. Stackelberg, *Tacitus in der Romania*, Tübingen, 1960.

лии, где живет и работает Д. Р. Дадли, недавно состоялся интересный обмен мнениями⁶; Д. Р. Дадли его не учитывает и отсылает по этому вопросу к нескольким страницам из известной монографии Р. Сайма. Вряд ли это правильно — блистательная книга Сайма действительно содержит материал по всем проблемам, связанным с Тацитом, но отсюда не следует, что ею можно заменить всю остальную текущую литературу.

Тон отражает содержание: небрежность в именах, датах и библиографических ссылках представляет собой лишь внешнее проявление главного в книге — ее крайней поверхностности. Ограничимся тремя примерами.

Самый поразительный среди них — трактовка автором темы «Тацит и провинции». Общеизвестно, что исторический смысл ранней империи состоял в превращении республиканского государства, обеспечивавшего хищническую эксплуатацию провинций в интересах аристократической и финансовой олигархии города Рима, в мировую империю, заинтересованную в развитии производительных сил провинций и принимавшую для этого (особенно в I в.) практические меры. Общеизвестно, далее, что переход этот непосредственно выразился в протекционизме императоров по отношению к провинциям, в оттеснении от власти традиционной римской олигархии, в крушении староримских норм общественной морали, в провинциализации сената и аппарата управления, в распространении провинциальных кланов, их взглядов и вкусов — словом, в той универсальной общественно-политической, нравственной и социально-психологической ломке, которая, в сущности, и составляет содержание Тацитова творчества. Поэтому отношение к провинциям — ключевой вопрос для всего общественного мировоззрения историка. Решение его осложняется тем, что проблема провинций присутствует в сочинениях Тацита не столько непосредственно, сколько в снятом виде — постоянно ощущая «провинциализм» как доминирующую стихию римской действительности, Тацит сравнительно мало говорит о положении в провинциях как таковых. Важность и сложность вопроса издавна привлекали внимание исследователей — по теме «Тацит и провинции» существует большая литература.

Во что превращается вся эта проблема у Д. Р. Дадли? Прежде всего, он указывает на то, что она существует и что Тацит «прекрасно понимал» это (стр. 174).

Поскольку, однако, в «Агриколе», «Истории» и «Анналах» провинции рассматриваются главным образом с точки зрения боевых действий, проводившихся римскими войсками в каждой из них, то автор и посвящает главу описанию последних в одной провинции за другой. Описание это в каждом случае настолько бегло, что сохранить в нем красоту и энергию тацитовского текста оказывается невозможным. Оттого с чисто читательской, повествовательной, точки зрения глава никакого интереса не вызывает. Теоретическая же проблема «Тацит и провинции» при установке на пересказ военных эпизодов тоже не получает ни развития, ни решения, хотя автор несколько раз ее задевает. Теоретического, исследовательского интереса поэтому данная глава лишена так же, как непосредственно читательского.

И так все время. Тацит и Галлия — это важная научная проблема: означает ли необычная детальность, с которой Тацит говорит о людях и местах Нарбонской провинции, что он был ее уроженцем? Не сыграли ли галльские впечатления — детские, семейные, позднейшие — определенную роль в формировании взглядов Тацита на проблему «варварской свободы» в ее соотношении с римской государственностью? Почему ни один римский историк, кроме Тацита, не рассказывает подробно о восстании Цивилиса? Не был ли Тацит таким же экспертом по Галлии, как Юлий Цезарь Полеман по Азии, Агрикола по Британии или Гней Домиций Лукан по Африке? Общеизвестно, что Флавий стремился специализировать наиболее дельных сенаторов на определенных районах Империи, а если так, то не приближает ли это нас к решению вопроса о том, где и кем служил Тацит во время своей загадочной отлучки из Рима в 89—93 гг.? Все эти вопросы Д. Р. Дадли был вполне вправе поставить или опустить. Вряд ли, однако, был он вправе сделать с темой «Тацит и Галлия» то, что он сделал, — задеть ее, посвятить ей полторы странички (184—185), упомянуть о противоречии между тенденцией к романизации и национально-освободительной традицией, чтобы тут же оставить эту мысль, сослаться на решающую для всей проблемы речь Петилия Церпала к представителям галльских племен (Tac., Hist. IV, 73—74) и оставить ее неразобранной, сообщить, что «Тацит дает нам немало важных сведений о людях некоторых галльских городов» и не назвать (по крайней мере, в данной связи) из этих людей ни одного.

Так же трактован вопрос о причинах изображаемой Тацитом моральной деградации римской черни (стр. 172) и многие другие. Это вообще составляет тон и принцип «Мира Тацита» — ничто не рассказано внятно и полно, ничто не проанализировано глубоко и ясно, и

⁶ J. B. Hainsworth, The Startling Point of Tacitus' *Historiae*, «Greece and Rome», XI (1964), № 2 (Oct.), стр. 123 сл.; D. C. A. Shotter, The Startling Dates of Tacitus' Historical Works, «Classical Quarterly», N. S., XVII (1967), № 1 (May), стр. 158 сл.

поэтому ничто не захватывает, не увлекает, не волнует, поэтому столь скучной получилась книга.

Почему так вышло? Нельзя допустить, чтобы университетский профессор, опытный исследователь, автор известных трудов по истории и культуре Римской империи, каким является Д. Р. Дадли⁷, просто не сумел избежать перечисленных слабостей. Он, по-видимому, написал такую книгу, какую хотел написать, и просчет заключался в самом замысле. Просчет этот связан с неверным, на наш взгляд, пониманием того, что такое популярная книга, и, соответственно, какого рода актуальность важна в ней широкому читателю.

Задачу свою автор рецензируемой работы видел в следующем: «Мы можем воспринять только то, что Тацит нам предлагает; а раз так, мы должны сначала понять, что это такое» (стр. 10). Ответ на вопрос, «что такое» произведения Тацита явствует из истории их изучения. Каждая эпоха, в том числе и наша, открывала в них то, что было ей наиболее близко и важно и в этом смысле наиболее актуально. Проникновение в эти наслаивавшиеся друг на друга и исторически снимавшие друг друга актуальные восприятия и образует доступное нам понимание Тацитова творчества. Актуален поэтому именно поиск открытой данному времени научной истины, а поскольку поиск истины всегда увлекателен, то и популярная книга интересна широкому читателю, когда она вводит его в актуальную научную проблематику, когда он в этой последней чувствует свое время, его идеи, его взгляд на изучаемое явление прошлого. Книга Д. Р. Дадли вышла поверхностной и скучной потому, что она лишена этой подлинной, внутренней, научной актуальности и стоит в стороне от живых проблем изучения Тацита и Римской империи.

Центральный вопрос творчества Тацита — это вопрос об отношении к империи. Поколения мыслителей от Гвичардини до Пушкина считали его теоретиком *raison d'état* и врагом нравственного партикуляризма; поколения революционеров от Демулена до декабристов видели в нем «бич тиранов», выразителя нравственного протеста против самодержавия. Для того и для другого есть основания. Противоречивость мировоз-

зрения Тацита концентрируется, в частности, в отношении историка к людям стоической оппозиции. Они для него и *virtus ipsa* (Ann. XVI, 21) и заурядные фронтеры, *quibus mos est illicita mirari* (Agr. 42). На протяжении последних ста лет нет серьезной работы о Таците, автор которой не задумывался бы над этим противоречием. Ничто из этих раздумий не отразилось в книге Д. Р. Дадли: двойственность в оценке Тацитом Арулена Рустика объясняется тем, что последний был «эпигон» (стр. 59), а высокая оценка Гельвидия — тем, что «он был одним из очень немногих хороших людей, участвовавших в политической жизни в эпоху гражданских войн» (там же).

Другая важная проблема изучения Тацита — это отношение его к людям всевластного сенатского меньшинства (Hist IV, 43). Он видит в них и пресмыкающихся перед властью хищников, несущих гибель традиционным ценностям римского общества, и талантливых государственных деятелей — администраторов, полководцев, ораторов. Вся сложность этого отношения сказалась в образе Марка Апра из «Диалога об ораторах». На близость этого образа Тациту и на связь его, в то же время, с известными доносчиками флавийской эпохи было обращено внимание уже давно⁸, ее старался вскрыть широко используемый нашим автором Р. Сайм⁹; сравнительно недавно в Англии появилась небольшая работа, содержащая, можно сказать, классический анализ «проблемы Апра» в ее широком аспекте¹⁰. Все это не сказалось на книге Д. Р. Дадли. Верный своему принципу резюмировать и упоминать больше, чем цитировать, он не дал Апру выступить на страницах книги и раскрыться перед нами в своих блестящих речах-импровизациях, сам же не сумел увидеть в нем ничего, кроме довольноного собой *self-made man'a* (стр. 71—72).

Другими примерами невнимания к актуальным проблемам изучения Тацита и его эпохи может служить трактовка автором вопросов о соотношении художественного и документального начал у Тацита (стр. 50 слл.) или об эволюции правления Нерона (стр. 122).

Отсутствие внутренней актуальности порождает стремление заменить ее актуальностью внешней. Рецензируемая работа как раз и доказывает невозможность подобной замены. Если автор, для того чтобы сделать деятелей римской истории более нам близкими и понятными, срав-

⁷ Д. Р. Дадли родился в 1910 г., с 1955 г. профессор Бирмингемского университета (по отделению латинской литературы), известен своими книгами о римской Британии (*The Rebellion of Boudicca*, 1962; *The Roman Conquest of Britain*, 1965) и римской цивилизации (*Civilisation of Rome*, 1960, совместно с Graham Webster; *Urbs Roma*, 1967), а также вышедшей еще до войны работой о кинизме.

⁸ K. Keyssner, *Betrachtungen zum Dialogus als Kunstwerk und Bekenntnis*, «Würzburg. Stud.», IX (1936), стр. 113.

⁹ Syme, ук. соч., стр. 109 сл.

¹⁰ M. Winterbottom, *Quintilian and the vir bonus*, JRS, 1964, стр. 90 слл.

нивает Тиберия с «дельными и безликими администраторами», которыми «кишит современный мир» (стр. 84), если он обнаруживает в Марке Ауре «профессионализм, столь хорошо знакомый нам в наше время, когда в очень многих областях специалисты полагают, будто технический прогресс позволяет им презирать своих предшественников» (стр. 72), а для характеристики стиля Тацита приводит мнение своих знакомых — «Тацит пишет так, будто каждое слово заряжено радиотелеграфом» (стр. 36), то это вызывает возражения не только с точки зрения вкуса. Исторические эпохи — это относительно замкнутые системы и связь их между собой состоит в том, что они представляют этапы единого процесса развития, а не в том, что отдельные их элементы, взятые вне системы и, тем самым, вне их реального, исторического смысла, могут обнаруживать внешние аналогии. Аналогии такого рода поэтому лишь затемняют истину, а не раскрывают ее.

Называть Отона и Петрония Арбитра «стилятами» (playboys — стр. 56) — хуже, чем дурной тон, это ошибка. Цинизм римских аристократов, их гедонизм и любовь к эпатажу, были формой активной общественной борьбы и оборотной стороной их преданности государству, а не пассивным бытовым «аутсайдерством», вообще не свойственным этой эпохе. Обозначение их как playboys создает ложные ассоциации, приводит читателя в конфликт с материалом, мешает ему понять, почему Отон был «решителен и тверд духом» (Hist. I, 22) был образцовым магистратом и ушел из жизни «как прославленный герой древности» (I, 3; ср. II, 47—50).

В систему, которую образует каждая эпоха, входят не только экономика, политика, идеология и т. д., но также быт, вещи, определенная материально-пространственная среда; задача историка, а тем более популяризатора — воссоздать эту особую структуру, а не разрушать

ее. Нельзя переводить обозначение острой металлической палочки для письма, которой Домициан (Suet., Dom. 3) убивал мух, *stilus praeacutus*, американским словечком *swatter* «мухобойка» (стр. 114), если читатель знает, что *swatter*'ы «изготавливаются обычно из перфорированной резины или пластика» (как разъясняет словарь Вебстера), если за ними стоит специфический быт и уклад жизни, ничего общего с эпохой Тацита не имеющие.

Внешними аналогиями с современностью автор пользуется широко. В большинстве это аналогии того типа, которые мешают, а не помогают сути описываемой эпохи. Система политических и экономических соглашений, связывающих между собой в настоящее время ряд стран Западной Европы, ни внешне, ни внутренне, ни по форме, ни по духу не похожа на Римскую империю (см. стр. 9). Утверждение, что «вооруженные силы основных борющихся держав — Англии, Америки, Франции, России, Германии и Японии — на протяжении II мировой войны знали и успехи, и поражения» (стр. 133), не может доказать неравноценность отдельных частей римской армии I в. Мы не начинаем лучше понимать Тацита после того как нам рассказали, что современный американский историк Брюс Каттон и его сотрудники написали «Историю гражданской войны в Америке», которая, вероятно, не хуже «Истории» и «Анналов» (стр. 31—32, стр. 52—53).

Стержень, на который нанизываются многообразные недостатки книги Дональда Р. Дадли, — здесь. В ней не чувствуется ни интереса, ни уважения к актуальным вопросам изучения Тацита и его эпохи, к актуальности научной истины вообще. Это делает книгу внутренне, в основе своей, несерьезной, а из внутренней несерьезности рождаются и тяготение к компенсаторной внешней злободневности, и поверхностность, и ошибки.

Г. С. Кнабе